

П **И**СТОРИКО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1 / 2012

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

В. С. Болбас

ИДЕИ КОЛЛЕКТИВИЗМА И ИНДИВИДУАЛИЗМА В ЭТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БЕЛАРУСИ

УДК 37.034

ББК 74.03–63.3(0)4Бел

В статье рассматриваются генезис и тенденции развития идей коллективизма и индивидуализма в этико-педагогической мысли Беларуси IX–XVI вв.

Ключевые слова: этико-педагогическая мысль, нравственное воспитание, духовно-нравственные ценности, индивидуализм, коллективизм, общинность, общее благо.

V. S. Bolbas

THE IDEAS OF COLLECTIVISM AND INDIVIDUALISM IN ETHICAL-PEDAGOGICAL THOUGHT IN MEDIEVAL BELARUS

The genesis and the tendencies of the development of the ideas of collectivism and individualism in ethical-pedagogical thought in Medieval Belarus is observed in this article.

Key words: ethical-pedagogical thought, moral education, spiritual and moral values, individualism, collectivism, collegiality, common good.

Проблема индивидуализма и коллективизма является одной из основополагающих при организации жизни любого общества. Практически самые значительные различия культур зависят от их ориентации либо на коллек-

тив, либо на личность. На протяжении истории развития цивилизации эти понятия сформировались в качестве важнейших нравственных принципов, отражающих приоритет соответствующих ценностных ориентаций опреде-

ленного сообщества. Доминирование коллективистских или индивидуалистических тенденций в обществе в значительной степени определяют характер и сущностно-содержательное наполнение педагогической теории и практики.

При разработке современных педагогических подходов к проблеме важно ее осмысление с исторических позиций. Общеизвестно, что социально-культурное обустройство общества, основные направления образовательной и воспитательной деятельности должны опираться как на особенности своего времени (культуросообразность), так и учитывать ментально-исторические характеристики жизни предшествующих поколений (преемственность). Во времена СССР практически игнорировались этнонациональные и исторические особенности культур отдельных народов. Вся педагогическая наука советского периода строилась на принципе коллективистского подхода в воспитании. В числе прочих причин это также способствовало снижению глубинной эффективности и прочности результатов воспитательного процесса. Современные разработчики теории и практические организаторы нравственного воспитания должны быть вооружены соответствующим историко-педагогическим знанием и активно его использовать. Показательным в этом плане являются отличительные особенности развития этико-педагогической мысли Беларуси в историческом прошлом.

Как и у других народов со вре-

мен своего зарождения, нравственное воспитание у белорусов носило общественный характер. По сути, сама мораль вытекает из общественного образа жизни. Ч. Дарвин при разработке теории происхождения человека отмечал, что нравственность берет начало в чувствах общности, существующих даже у животных. Он отмечал, что с развитием умственных способностей обязательно развивается и общественный инстинкт, который, по его мнению, является двигателем развития нравственных чувств. Опираясь на такие представления о происхождении морали, многие ученые заключают, что сама природа является первоисточником всех нравственных понятий и всего следующего развития морали. «Природа может поэтому быть названа первым учителем этики, нравственного начала для человека», — подчеркивает П. А. Крпоткин [8. С. 55].

На протяжении всего периода своего развития белорусский народ имел тесную связь с живой и неживой природой, и это часто непосредственно определяло характер и содержание его нравственно-воспитательных идей. Как известно, земли современной Беларуси в течение тысячелетий были заселены балтскими племенами. Проникновение сюда славян начинается с первых столетий нашей эры. Результатом балто-славянского синтеза стало образование пробелорусских «народностей» — кривичей, дреговичей, радимичей. Поэтому с древних времен наши предки пытались найти приемлемые правила совместной жизни с другими

людьми, выработать наиболее общие основы поведения, содействующие формированию духовных ценностей, не связанных непосредственно с конкретным историческим периодом, конкретной культурой. Нравственные нормы и правила общества содержали общечеловеческий элемент и дополнялись особенностями самобытной культуры зарождающейся народности. Понятия добра и зла вырабатывались не на основе их причастности к отдельному человеку, а на основе того, чем они являются для людского сообщества. Язычество содействовало осмыслению и оценке отношений людей к действительности, социальным проблемам и природе. Древняя религия белорусов соответствовала общественным условиям коллективного производства и определенного уклада жизни. Понятие личности, ее ценности не существовало. Человек рассматривался исключительно как член сообщества, сородич.

В эпоху язычества воспитание всегда строилось на коллективистских началах. А. И. Клибанов отмечал, что «издавна в общине существовали неписанные, но всемогущие регламентации, закрепленные идеологически в племенных культах» [7. С. 14]. Прокопий Кесарийский в «Войне с готами» описывал восточных славян, как народ исключительно коллективистский, «издавна живущий в народоправстве... счастье и несчастье у них считалось делом общим» [6. С. 237]. Воспитанием подрастающего поколения занимался весь род; более того, в период родового строя вне границ общины и рода вообще невозможно

было существование человека, изгой осуждался на верную гибель.

Христианская эпоха принесла новое звучание коллективизму. Во многом приращение воспитанию общественного характера следует из сути христианского вероучения: «да будет все едино» [1]. Особенно удивительную совместимость в этом направлении выявили византизм и нравственные представления славян. Исследователи отмечают, что одной из основных черт христианства было выдвижение в качестве основополагающего принципа в жизни человека не его личное счастье, а счастье общества, справедливость для всех, признание равноправия всех людей, прощение обид — утверждала новая вера в противовес язычеству [8. С. 105]. Особенно в православии всегда преобладает традиционное, общее над единичным. Для того чтобы быть полезным обществу, человек должен приобщаться к Богу, т. е. достичь нравственно-духовного совершенства. Нравственные императивы поведения человека, воспринятые и осознанные им личностные обязательства перед Богом являются одновременно и обязательствами человека перед людьми.

В житийной литературе, которую можно отнести к византийскому направлению нравственно-этической мысли Древней Руси, лейтмотивом проходит мысль о том, что индивидуально человек достичь нравственного совершенства не может. Только в коллективе возможно максимальное раскрытие всех граней человеческой личности; именно в коллективе человек осознает, пропускает через личное «Я» уверен-

ность в том, что как личность он может проявиться в результате отношений с другими. Д. С. Лихачев отмечал, что хоть «человек был в центре внимания искусства феодализма, но не человек сам по себе, а в качестве представителя определенной среды, определенной ступени на лестнице феодальных отношений» [4. С. 92]. Средневековую культуру вообще мало интересовала индивидуальность.

Коллективистский подход в организации процесса нравственного воспитания со всей полнотой и силой реально проявлялся на восточнославянских землях в деятельности монастырей. В «Житии Феодосия Печерского» детально описывается быт монахов, их совместная работа, коллективные молитвы. Сам Феодосий и его ученики в основу существования ставили заботу друг о друге, а также о населении окружающих территорий: «Во время голода святой печет хлеб из лебеды для множества приходящих к нему, и горький хлеб чудесно становится сладким» [17. С. 65]. Феодосий не только не изолировал свой монастырь от окружающей действительности, но поставил его в самую тесную связь с мирским обществом. Мыслитель достаточно негативно относился к идее пустынноческого обособления, отшельничества. Монах должен быть в окружении своей братии, в ином случае его могут ожидать тяжелые искушения.

Особенность природно-климатических условий Беларуси, общинное землепользование, отсутствие рабовладения и другие историко-генетичес-

кие и культуuroобразующие факторы способствовали выделению в качестве определяющих черт и качеств человека таких, которые направляли его к общинности, формировали спокойный, рассудительный характер. Само понятие блага подразумевало пользу для других, для общества. Склонность белорусского народа к коллективизму достигла наиболее высокого уровня как раз в эпоху средневековья. Широкое распространение приобретает тогда соседская община. Жители одного или нескольких поселений объединялись в так называемую «громаду», совместно владели землей, имели собственные органы самоуправления. Соответствующую ориентацию к общему благу закрепляли такие стародавние народные обычаи, как толока, сябина, бонда и др.

Представителями этико-педагогической мысли древнерусского периода подчеркивалось, что соборность, коллективизм дают возможность реализации одной из самых главных христианских заповедей — любви к ближнему. Именно в коллективе возможно раскрытие всех сторон человеческой личности; именно среди людей человек действительно учится состраданию, ответственности. Поэтому приоритет общего над индивидуальным в средневековье был бесспорным.

Важно отметить, что в отличие от языческого периода, когда понятия добра, нравственности целиком и полностью определялись интересами только людского сообщества, христианская этика акцентирует внимание на возвышении каждого индивида, на не-

обходимости утверждения отношения к другим, как к самому себе. И хотя индивидуальным человек предстает, прежде всего, по отношению к Богу, нравственные заветы христианства обращены в основном к внутреннему миру индивида, к его совести. Даже ограниченный характер нравственных норм представляет собой не только и не столько ограничение деятельности человека относительно других, а в первую очередь установление границ собственных мыслей, помыслов, действий и поступков. Отношение к другим — это, прежде всего, отношение к самому себе, что создает основы для того чтобы, как и в этических учениях античности, абсолютное добро и собственное счастье сливались в единое целое.

Так, уже у Владимира Мономаха и Даниила Заточника мы находим требование индивидуального подхода к нравственному положению и развитию личности. Опираясь на мысль о разнообразии создания мира, Мономах делает вывод о неодинаковости людей. «Какие разнообразные человеческие лица!», — восклицает князь в своем «Поучении» [4. С. 92]. Поэтому автор не допускает нивелировки в плане нравственных требований. Признавая индивидуальность каждой личности, мыслитель мягче и терпимее, по сравнению с другими авторами, смотрит на личную человеческую жизнь.

Мономах сохраняет языческое понятие природы и человека в ней: все, что существует во вселенной, «дал Бог на угодые людям, на веселье». Поэтому не в удовлетворении плоти,

не в мирских делах он не видит ничего греховного. Активное добротворчество, полезная для общества работа — это главный показатель богоугодности, т. е. нравственности человеческой жизни. Гражданскую активность, которая обязательно допускает индивидуальность личности, Мономах противопоставляет ревностному исполнению церковно-монастырских правил: «Кто терпит... одиночество, чернение, голод — лишние люди» [3. С. 37].

Даниил Заточник в своем «Молении» сосредоточивает внимание на чувствах и взглядах отдельного человека, причем человека, не отягощенного митрополичьей рясой, как Илларион, или великокняжеской властью, как Владимир Мономах. Человека он подает как личность, которая выше всего ставит личный интеллект и чувство собственного достоинства, способность критично мыслить. Автор отвергает формальную, внешнюю религиозность, он подчеркивает, что «Богу нельзя солгати» [10. С. 38]. Даниил утверждал, что человек интересен сам по себе — независимо от словесной принадлежности, социального статуса. Отсюда следует, что при организации воспитательного процесса необходим индивидуальный подход. Учет индивидуальных особенностей личности позволяет сделать воспитательное воздействие более эффективным и результативным. Во многом это созвучно христианской антропологии. Так, В. В. Зеньковский писал, что «природа в людях не только одинакова, но она одна на всех, а личность

у каждого своя — несравненная» [5. С. 124]. Именно личностные качества являются творческим началом в человеке: личность может бороться со своей природой, противостоять, влиять на нее.

Вообще, согласно евангельским представлениям, спасение человеческой души строго индивидуальное и зависит от собственных усилий человека. Поэтому с распространением христианства, при абсолютном доминировании коллективистских основ обустройства людского сообщества начинает развиваться индивидуалистический компонент.

Геополитическое положение Беларуси на границе западной и восточной цивилизаций предопределяло своеобразие развития ее духовной культуры. Небывалый взлет идей индивидуализма породила в Западной и Центральной Европе ренессансно-гуманистическая интенция эпохи Возрождения. В этом направлении взгляды европейских гуманистов порой шли даже вразрез с христианским вероучением. Вера в людей, их возможности, возвеличение человека поднимали каждого индивида до уровня Бога. Подобными идеями была проникнута и педагогическая мысль европейских стран.

С некоторым опозданием европейское ренессансное движение докатило свои волны до белорусских земель. Одним из первых его проводников был восточнославянский первопечатник Франциск Скорина. Величайшая его заслуга заключается в том, что он попытался европейские

ренессансные идеи синтезировать с особенностями мировоззрения своего народа. Гуманизм Скорины — это в значительной степени христианизированный гуманизм западноевропейцев. Просветитель предлагает, с одной стороны, направить воспитательные усилия на формирование личности, которая бы видела смысл своей жизни служению «пожитку посполитому». В иерархической лестнице нравственных ценностей, согласно Ф. Скорине, общественное стоит значительно выше личного: «... *Не толико бо сами себе народихомся на свет, но более ко службе божией и посполитого доброго*» [16. С. 71]. С другой стороны, он подчеркивает значимость каждого индивида для общества и желает, чтобы каждый человек и все люди «*добра жили на свете*». Так, Франциск Скорина выступал за такую организацию воспитания, когда «*отець сына навчаючи единаго кажнаго особно*», а также возможно и «*всех людей посполите сущих в летех мужства*» [16. С. 26].

Белорусский просветитель XVI в. Беньяш Будный также обращал внимание на проблему индивидуального и общественного нравственного блага. Общественное приобретает свою настоящую нравственную значимость только в том случае, когда содействует сохранению и индивидуальной добродетельности. «Если бы все люди, — отмечает мыслитель, — воспринимали обиду другого человека как свою собственную, тогда в мире было бы меньше несправедливости» [2. С. 50].

Поиском примирения стремле-

ний к общему благу и собственного счастья проникнуты идеи Николая Гусовского, Сымона Будного, Яна Лидиния Намысловского, Василя Тяпинского, Симеона Полоцкого и других мыслителей Беларуси эпохи Возрождения. Н. Гусовский примером организации общинной жизни считал стадо зубров, где утверждены принцип: «Каждый — за всех, все — за каждого». Он обращал внимание на общественный характер воспитания, который господствовал в лагерях «великолитовского князя», и в то же время с признательностью вспоминал индивидуальные воспитательные уроки отца, когда тот приучал сына к своему ремеслу. Высоко оценивали роль учебных заведений в решении образовательно-воспитательных задач С. Будный и В. Тяпинский, поэтому призывали значительно расширять существующую сеть школ. В отличие от многих ортодоксов христианской веры, которые интересы общества ставили недостижимо выше отдельного индивида, практически игнорируя интересы последнего, Я. Намысловский отдавал предпочтение общественному, но сумел не растворить в нем конкретную человеческую личность. «Каждого к собственным действиям склоняет природа», — считал он [11. С. 186].

С. Рысинский пытался дать философское обоснование введения в воспитательные цели коллективистских начал: «Именно микрокосм-человек является животным, которое больше стремится к отношениям и взаимопониманию, а это само по себе могучее и достойное восторга свойство...» [13.

С. 24]. Восславляя несокрушимую силу людского единения, С. Полоцкий писал, что людей «яко и стрел, во едином скопце сущих, никтоже сломати доволен. Тыя ж де, паки по единой разлученныя, и малая ломит сила» [12. С. 254].

Существенные особенности в формировании индивидуалистических и коллективистских подходов в этико-педагогической мысли Беларуси наложили многочисленные идеологические факторы, среди которых важнейшим был фактор поликонфессиональности. На белорусских землях относительно мирно сосуществовали православие, католицизм, униатство, еретическое движение, протестантизм и др. Отличия антропологических доктрин разных вероучений обусловили формирование разных подходов в разработке проблем нравственно-духовного воспитания, в том числе и в вопросах индивидуального и коллективного.

Все христианские идеологи единокорны в том, что каждый человек обладает свободой воли, душа его самовластна и поэтому несет ответственность за поступки индивида. В православии, где свободе воли человека придавали чрезвычайно большое значение, считается, что свобода помогает каждому нравственно усовершенствоваться, превзойти самого себя в любви, при необходимости дойти до самоотречения. Поэтому православие, обострив интерес к человеческой личности, рассматривала ее с позиций принципа соборности, т. е. единения людей на основе любви к Богу и приоритетности нравственных ценностей.

В католицизме «самовластие души» не выступает в качестве ведущей парадигмы развития личности. Католический мыслитель А. Любак, ссылаясь на «Послание к римлянам» апостола Павла, отмечает: «Церковь предопределена. Церковь и, тем самым, в ней всякий человек и весь мир» [9. С. 170]. Развивая такие взгляды, Августин Блаженный закладывает основы учения о предопределении человека, которое оказало существенное влияние на идеологию католицизма. С одной стороны, католическая этика значительно ограничивает свободу воли, так как считает, что «желание нашей свободы без границ противоречит воле Бога» [9. С. 175], поэтому человек должен подавлять свою волю, стремиться к послушанию. Однако «в самом своем послушании ум находит движущий стимул» [9. С. 176]. Все, что человек познает на этом пути о себе самом, помогает ему осмыслить собственное место в мире и найти свой путь спасения. Именно отсюда берут истоки индивидуалистические идеи, которым отводилось значительное место в проповеди, аскетике, даже в самой литургии католической церкви.

Еще более благоприятную почву для развития индивидуалистических идей создавало на белорусских землях с XVI в. протестантское движение. Представители Реформации объявили право каждого человека по-своему интерпретировать Священное Писание. Протестантизм допускает возможность индивидуального спасения. Вообще, в этике реформаторов

важнейшее место занимало положение о личной ответственности человека перед Богом без посредничества официальной церкви. Согласно идее протестантизма, чем ближе человек к Богу, тем больше он отдаляется от земной действительности и тем больше отличается от других. Ценность индивида виделась не в принадлежности к определенному сообществу, а в существенном отличии от его членов. В дальнейшем в этико-педагогической мысли Беларуси достаточно органично сочетались требования индивидуального подхода или придания общественного характера нравственному воспитанию. Анализируя взгляды белорусских просветителей, можно прийти к выводу, что они были сторонниками разнообразных вариантов, которые приводили к достижению поставленных целей.

Подобные подходы подкреплялись и идеями народной педагогики белорусов. Сокровищница народной мудрости содержит много выводов, подчеркивающих перевес коллективного образа жизни: «*Моцны статак чарадою, а людзі грамадою*» [14. С. 374], «*У гурце нішто не страшна*» [14. С. 375], «*Адзін дуб у полі — то не лес*» [15. С. 83], «*Калі робіш укупе, не баліць у пупе*» [14. С. 374].

Тем не менее, в народе постепенно формировалась идея о необходимости учета в общественной жизни и интересов конкретной личности.

К основным воспитательным формулам, ориентирующим формирование личности в подчинении личных устремлений и интересов общественным,

добавляются постулаты, которые утверждали в людях чувство собственного достоинства, возвышали личное «Я». В общей направленности к общему благу просматриваются попытки не оставить без внимания каждого отдельного человека: «*Няхай кажан сам сябе глядзіць*» [15. С. 109], «*Як пасцелеш сабе, так і выспішся*» [15. С. 145]. Широкие связи со странами Западной и Центральной Европы содействовали проникновению в общественное сознание ренессансных индивидуалистических идей. Аграрная реформа XVI в., которая проводилась на белорусских землях, во многих местах ввела подворное землепользование вместо общинного, что существенно разрушало общинный уклад деревенской жизни и утверждало частно-собственнические, индивидуалистические тенденции. Для сравнения, в России подобные процессы набрали ощутимый динамизм только в начале XX в. в связи со столыпинской реформой. Серьезной «деформации» жизненного быта и духовной культуры белорусов способствовали также такие качества национальной психологии, как сосредоточенность наших пращуров на собственном внутреннем мире, склонность к уединению и др. Тем не менее, народная мысль при допущении разных вариантов самовыражения индивидуальности, обеспечения собственного счастья, на первый план выделяла общие интересы, благоустройство общества.

Сравнивая отмеченные выше идеи, которые были характерными для педагогической мысли Беларуси,

с аналогичными взглядами западноевропейцев, можно прийти к следующему выводу: исторически сложившаяся направленность восточнославянской этико-педагогической мысли к обществу, к общности не смог разрушить небывалый взлет идей индивидуализма эпохи Возрождения, который был самой сущностью западноевропейского Ренессанса. В Беларуси он только обозначил условия достижения собственного счастья, собственного совершенства, но обязательно в русле стремления к общему благу.

Современным организаторам воспитательного процесса надо иметь в виду особенность менталитета своего народа. Это несколько не означает, что не должен учитываться опыт других стран в организации решения подобных вопросов. Однако не критичные взгляды на Запад, бездумное копирование чужих достояний вряд ли даст положительный результат. Гипертрофированное понимание индивидуализма — это как раз одна из наиболее слабых сторон западного строя современной жизни. Мы должны взять на вооружение мудрость наших предков и найти такие условия решения проблемы, чтобы добиться большей гармонизации личного и общественного. Учитывая особенности отечественных этнопедагогических идей и современные направления развития цивилизации, нужно утилитарные, гедонистические подходы определения смысла человеческой жизни совместить с ориентацией индивида к общему благу. В этом направлении воспитания подрастающих поколений

мы имеем довольно прочный фундамент. Во-первых, как отмечено выше, существенную помощь могут оказать глубинные идеи национальной педагогики. Во-вторых, нужно осмысленно, рассудительно и критично использовать наработки педагогики советского периода, в частности, идеи коллективизма. Значительный результат как в теоретических разработках, так и в

практическом осуществлении воспитательного процесса должно принести использование положений христианской этики. Такой подход не позволит нарушить преемственность в воспитании даже в самые переломные периоды общественного развития, что уже само по себе значительно уменьшит разрушительные результаты имеющейся бездуховности.

Список литературы

1. Первосвященническая молитва Господа Иисуса Христа // Толковая Библия под ред. Т. В. Лопухина. Новый завет. Евангелие от Иоанна. Глава 17: 1–26. — СПб.: Печ. граф., 2009.

2. Будный, Б. Собрание нравоучительных, кратких и замысловатых речей / Б. Будный. — М.: тип. при театре, 1788. — 270 с.

3. Галактионов, А. П. История русской философии IX–XIX вв. / А. П. Галактионов. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. — 897 с.

4. Забияко, А. П. История древнерусской культуры / А. П. Забияко. — М.: Интерпракс, 1995. — 304 с.

5. Зеньковский, В. В. Принципы православной антропологии / В. В. Зеньковский // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. — М., 1990. — С. 115–148.

6. Кесарийский, П. Война с готами / П. Кесарийский; пер. С. П. Кондратьева. — М.: АН СССР, 1950. — 513 с.

7. Клибанов, А. И. Духовная культура средневековой Руси / А. И. Клибанов. — М.: Аспект-Пресс, 1996. — 368 с.

8. Кропоткин, П. А. Этика: избранные труды / П. А. Кропоткин; под ред. П. А. Клибанов. — М.: Политиздат, 1991. — 486 с.

9. Любак, А. Католичество. Социальные аспекты догмата / А. Любак. —

Милан: Христианская Россия, 1992. — 614 с.

10. Новиков, А. И. История русской философии / А. И. Новиков. — СПб.: Лань, 1998. — 320 с.

11. Парэцкі, Я. І. Іўеўскі педагог Ян Ліцыйні Намыслоўскі / Я. І. Парэцкі // Беларуская літаратура. — 1983. — Вып. II. — С. 169–190.

12. Полоцкий, С. Вирши / С. Полоцкий; сост., подгот. текстов, вступ. ст. и комм. Б. К. Былинина, Л. У. Эвонаревой. — Минск, 1990. — 447 с.

13. Порецкий, Я. И. Соломон Рысинский: Solomo Pantherus Zeukorussus. Конец XVI — нач. XVII в. / Я. И. Порецкий. — Минск: Изд-во БГУ, 1983. — 158 с.

14. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / рэд. А. С. Фядосік. — Мінск: Навука і тэхніка, 1976. — Кн. 1. — 560 с.

15. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / рэд. А. С. Фядосік. — Мінск: Навука і тэхніка, 1976. — Кн. 2. — 616 с.

16. Скарына, Ф. Творы: прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхаля / Ф. Скарына; уступ. арт., падрыхт. тэкстаў, камент., слоўнік А. Ф. Коршунава, паказальнікі А. Ф. Коршунава, В. А. Чамярыцкага. — Мінск: Навука і тэхніка, 1990. — 207 с.

17. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. — Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. — 384 с.